

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

К ИСТОКАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

(о статье профессора М. И. Ростовцева «Международные отношения и международное право в Древнем мире»)

Редакция «Вестника Санкт-Петербургского университета» предлагает вниманию читателей статью профессора М. И. Ростовцева, которая была опубликована в Париже в журнале русской эмиграции «Современные записки» в номере 4 за 1921 г.¹ Возникает вопрос, актуально ли для современного читателя то, что было опубликовано более 90 лет тому назад, и почему знакомство с этой работой столь интересно и поучительно.

Первое обстоятельство, привлекающее к публикуемой работе, состоит в том, что написана она не юристом, а историком, причем историком весьма авторитетным. Михаил Иванович Ростовцев родился 29 октября (10 ноября) 1870 г. в Житомире, учился в Киевском и Петербургском университетах, преподавал в Александровском лицее, Петербургском университете (профессор древней истории и классической филологии), на Высших женских (Бестужевских) курсах. В 1917 г. он стал одновременно членом Петербургской академии наук и членом-корреспондентом Британской академии. В 1918 г. он оказался в эмиграции, сперва жил в Париже, а с 1920 г. — в США. Преподавал в Висконсинском, а с 1925 г. в Йельском университетах. Скончался М. И. Ростовцев 20 октября 1952 г. в Нью-Хейвене (штат Коннектикут, США).² Все современные энциклопедии представляют М. И. Ростовцева как выдающегося российского и американского историка, археолога и филолога. Однако, поскольку Ростовцев был эмигрантом, и он сам, и его труды были вычеркнуты из арсенала отечественной научной мысли на долгие годы.

В российской да и в зарубежной доктрине международного права сложилось так, что исследованием его истоков занимались по преимуществу юристы. Следует обратить внимание, что М. И. Ростовцев дает весьма уничижительную характеристику этим изысканиям. Он пишет: «В современной научной литературе нет книги, в которой вопрос об истории международных отношений и международного права в древнем мире был бы разобран полно и обстоятельно... Большая книга Филиппсона написана хорошим знатоком современного международного права, но дилетантом в области древней истории и истории древнего права. То же надо сказать обо всех общих курсах истории

¹ *Ростовцев М. И. Международные отношения и международное право в Древнем мире // Современные записки. 1921. № 4. С. 128–159.*

² Подробнее о М. И. Ростовцеве и его вкладе в изучение истории международного права см.: *Стародубцев Г. С. Международно-правовая наука российской эмиграции. М., 2000. С. 29–30, 40, 90, 111–112, 122, 129–134.*

международного права, а также всех специальных статьях, касающихся истории международного права в древности, написанных юристами. С другой стороны, ни один из историков древности не дал нам общей работы, разбирающей международные отношения древности с исторической и юридической точек зрения».³

Для упреков в дилетантизме у маститого историка были, по всей видимости, достаточно веские основания, причем адресованы эти упреки в равной мере как историкам, так и юристам. Разъясняя свою позицию, М. И. Ростовцев подчеркивает, что полным и обстоятельным может быть лишь исследование «с привлечением всего имеющегося материала и с использованием всех результатов, добытых специальными исследованиями».⁴ Иными словами, для серьезных претензий к коллегам у М. И. Ростовцева были достаточно веские основания. Надо полагать, что история международного права не написана и по сию пору. Вместе с тем нельзя не заметить, сколь сложным бывает изучение любого предмета, находящегося на стыке наук, в данном случае истории и собственно юриспруденции.

Второе обстоятельство, привлекающее в статье М. И. Ростовцева, состоит в том, сколь свободно он оперирует обширными историческими данными, умело встраивая их в свою концепцию. При этом — с чем уж вовсе не часто можно встретиться — он анализирует истоки не только международного публичного, но и международного частного права. В чем же состоит главная мысль М. И. Ростовцева?

Дело в том, что в юридической науке сложилось твердое убеждение, что истоки международного права следует искать в Средних веках. Это не просто распространенная точка зрения, подобный взгляд, по сути дела, стал общим местом в юридической науке.

Так, известный русский юрист-международник барон М. А. Таубе, выпустивший специальное исследование по истории зарождения международного права, прямо дает подзаголовок первому тому — «Средние века». М. А. Таубе исходит из того, что в древности народы жили изолированно друг от друга, за пределами их государства начинался неведомый мир, понятия «иностранец» и «враг» были синонимами, а всеобщая война исчерпывала собой всю международную жизнь.⁵ Сославшись на Гоббса, утверждавшего, что естественным состоянием народов было «*bellum omnium contra omnes*», М. А. Таубе далее уже не может отказаться от этого тезиса и рисует зарождение международного права лишь под этим углом зрения.

Основываясь на правильном тезисе, согласно которому, «чтобы понять историю международного права (а следовательно, и современную его систему), нельзя обойтись без изучения той эпохи, когда разные его элементы находятся еще в периоде формации, когда появляются первые зачатки современного международного права...»,⁶ М. А. Таубе отказывается искать их в древности и связывает возникновение международного права не иначе как со Средневековьем.

Подобные же воззрения мы можем встретить и у тех, кто пишет об истоках международного частного права. Так, известный русский ученый проф. А. Н. Мандельштам

---

³ *Ростовцев М. И.* Международные отношения и международное право в Древнем мире. С. 128 (работа Г. Филипсона, на которую ссылается М. И. Ростовцев, — это книга, вышедшая в 1911 г.: *Philippson G.* The international law and custom of ancient Greece and Rome. 2 vols. London, 1911).

⁴ Там же.

⁵ *Таубе М.* История зарождения современного международного права: Средние века. СПб., 1894. Т. 1. Введение и Часть Общая. С. V.

⁶ Там же. С. VII–VIII.

писал: «Международное частное право не могло возникнуть в древности. Не говоря уже о народах теократических — Египтянах, Индусах, Евреях, ни Греки, ни даже Римляне не возвысились до признания личности иностранца. В законах Ману (XII, 43) иностранец на общественной лестнице стоит ниже слонов, лошадей и судра; он только выше диких животных. Евреи — избранный народ — считают богоугодным делом истребление других народностей. Ненависть Египтян ко всему иностранному или нечистому и старание предохранить себя от всякого соприкосновения с этим элементом — общеизвестный факт. Война и рабство — иностранцам, вот лозунг древнего теократического мира, да и так называемые торговые народы, Финикияне и Карфагеняне, были не столько носителями идеи мирного обмена, сколько пиратами и работорговцами...».⁷

Складывается впечатление, что некоторые специалисты, пишущие об истоках международного, в том числе международного частного права, в большей мере озабочены отысканием именно тех тенденций и фактов, которые встраиваются в созданную ими концепцию правовой регламентации трансграничных отношений, нежели стремятся увидеть, что на самом деле было предтечей международного публичного и частного права. То, что в эту картину не вписывается, как правило, игнорируется.

Конечно, прямых свидетельств существования международного публичного и частного права в древности нам, по всей видимости, обнаружить не удастся. Лишь на основе тщательного анализа некоторых косвенных свидетельств мы можем судить о тех специфических формах общественного сознания, которые вели к возникновению и были предтечей международного публичного и частного права.

Именно к ним обращается М. И. Ростовцев, с первых же строк заявляя совершенно иной подход к зачаткам международного права. «Первый вопрос, который каждый вправе поставить историку международных отношений в древности, — пишет он, — это вопрос о том, почему историю международных отношений и историю международного права надо начинать не с т. н. Средних веков, когда сложилась система современных западно- и восточно-европейских государств, а с классической древности... Современная государственность, право, религия и культура восходят в своих основах к классическому миру... Это общее положение вполне применимо и к истории международного права. Я утверждаю, что в области современных международных отношений нет ни одной формы, в области международного права ни одной руководящей идеи, которые мы не встретили бы в зародыше ли, или в полном развитии в пределах классического мира».⁸

Очевидно, что формирование международного публичного и частного права в том виде, в котором они предстают перед нами сегодня, — это долгий процесс эволюции, в рамках которого путем длительного поиска, проб и ошибок, промахов и озарений постепенно образовывалась известная совокупность правовых установлений и соответствующих ей представлений о сущем и должном в сфере трансграничных отношений. Не исследовав проходивший на протяжении нескольких веков процесс становления и развития нормирования международных отношений, мы рискуем не понять, как и почему они приняли свои нынешние формы.

Вполне очевидно, что зарождение международных связей относится к глубокой древности. Соответственно не могли не возникнуть и правила, эти взаимоотношения

⁷ *Мандельштам А. Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. 1. Кодификация международного частного права. СПб., 1900. С. 1–2.

⁸ *Ростовцев М. И.* Международные отношения и международное право в Древнем мире. С. 129.

регламентирующие. Конечно, было бы наивным называть эти правила правом в его нынешнем понимании. Но верно и то, что право возникло впоследствии именно в результате совершенствования, углубления и специализации этих первоначальных ростков нормирования связей между иноплеменниками.

Как полагает М. И. Ростовцев, вопрос о начальных шагах, «первых эмбрионах» международных отношений и международного права далеко еще не выяснен и требует привлечения большого сравнительного материала, как исторического, так и этнографического. Добавим к этому, что проведение подобных изысканий не под силу одному человеку, а посему потребуются привлечение широкого круга специалистов — историков и юристов.

Во всяком случае, следует поддержать тезис М. И. Ростовцева о том, что истоки регламентации международных отношений следует искать не в период Средних веков, а с древнейших времен. М. И. Ростовцев указывает, что первые «исторические свидетельства, первые писанные документы, говорят нам о существовании уже в это время основных форм международных отношений... В IV тысячелетии до Рождества Христова на нижнем течении Тигра и Евфрата, в бассейне этих рек возник и пышно развился ряд государств городского типа на племенной базе. Это были отдельные государства Сумерийцев».⁹

М. И. Ростовцев прослеживает историю этих «государств городского типа» в IV–II тысячелетиях до н. э. и заключает: «Никогда, на всем протяжении истории Древнего Востока, так не процветали разные формы международных сношений и отношений, разные межгосударственные комбинации, как во втором тысячелетии до Рождества Христова. Государства постоянно обменивались посольствами, шла оживленная дипломатическая переписка, заключались договоры, союзы, возникали федерации. Дипломатия уже тогда нашла необходимым пользоваться для дипломатических сношений одним языком. Этим языком на многоязычном Востоке сделался язык наиболее культурной из держав — вавилонской».¹⁰

Зададимся весьма простым вопросом: осуществлялись ли такие связи спонтанно, как Бог на душу положит, или на сей счет существовали определенные правила, реализацию подобных связей регламентирующие? Мы склонны полагать, что таких правил не могло не существовать. И еще. Могли ли в условиях подобного обмена не возникать проблемы, связанные с приездом и проживанием иноплеменников, — основания для пребывания, правила проживания, неприкосновенность, возможность наступления ответственности, прежде всего деликтной, и т. п.? Ответ очевиден: в условиях оживленного обмена такие проблемы, конечно же, возникали. Соответственно должны были сложиться правила для регулирования сходных случаев. А отсюда естественно следует вывод о формировании того, что впоследствии получит наименование международного частного права.

Особое внимание в своей статье М. И. Ростовцев уделяет Греции и Риму. «Греция и ее города, — подчеркивает он, — приняли полностью наследие восточной культуры, но развили ее по-своему. Восприняли они и традиционные формы международных отношений, но придали им иной характер и взяли в них иное содержание. За союзами и договорами начинает мерцать свет рождающегося международного права».¹¹

⁹ Там же. С. 135.

¹⁰ Там же. С. 136.

¹¹ Там же. С. 139.

В противовес всеобъемлющему действию законов «права сильного» и «национальной исключительности» М. И. Ростовцев указывал на то, что «древнейшими формами международных отношений были отношения гостеприимства между отдельными лицами, принадлежащими к разным государствам, — база будущего частного международного права, — и международный договор. Не вижу несомненного выхода из контroversы о том, возникли ли эти институты в результате мирных, преимущественно торговых, отношений, или как естественное следствие попыток регулировать межгосударственные отношения после войны...».¹² Обратим внимание, что речь идет не о самом международном частном праве, а о «базе» для его формирования.

Развивая далее свои рассуждения, М. И. Ростовцев указывает, что межгосударственное частное право было тем институтом, который пышно расцвел в Греции уже VI в. и никогда не был забыт греческим миром. В этом смысле он указывает: «Интересны и меры, принятые греками к охране материальных интересов своих сограждан в чужой стороне. Постепенно из института гостеприимства развился институт проксенов, который принял характер регулярного консульского представительства... В связи с институтом проксении развилось и широкое регулирование защиты прав иностранцев. Самые широкие межгосударственные деловые отношения поощрялись большинством греческих городов. И в большинстве городов были организованы особые суды, разбиравшие дела не граждан с гражданами. Они руководствовались не столько действующим правом данного города, сколько специальными соглашениями, существовавшими на этот предмет между отдельными городами, т. е. коммерческими трактатами, и т. д.».¹³

* * *

Автор настоящего предисловия не ставил своей задачей пересказывать всю работу М. И. Ростовцева или комментировать каждое из ее положений, это нереально, да и необходимости в этом нет. У читателей есть возможность самим ознакомиться с воззрениями М. И. Ростовцева и составить о них собственное представление.

Есть лишь один вопрос, на который следует обратить внимание. Профессор Г. С. Стародубцев, первым введший в научный оборот в России некоторые положения из статьи М. И. Ростовцева, давая высокую оценку этому труду, адресует ее автору своеобразную претензию. Он пишет: «Статья М. И. Ростовцева, безусловно, заметное событие в международно-правовой литературе российского зарубежья. Написанная изумительным языком, она добросовестно излагала поставленные в ней вопросы... Статья М. И. Ростовцева оказала значительное влияние на международно-правовую литературу русского зарубежья».¹⁴ «Вместе с тем, — отмечает Г. С. Стародубцев, — один существенный и, пожалуй, главный вопрос остался М. И. Ростовцевым не доведенным до конца, а именно, было или не было в период античности международного права».¹⁵

Между тем справедлив ли данный упрек? Представляется, что добросовестнейшим образом исследовав собранный материал, Ростовцев-историк уступает место нам, юристам, в разрешении этого вопроса. Можно ли установить точную дату возникновения международного права, а главное, есть ли в этом необходимость?

¹² Там же. С. 134.

¹³ Там же. С. 144–145.

¹⁴ *Стародубцев Г. С.* Международно-правовая наука российской эмиграции. С. 132–134.

¹⁵ Там же. С. 133.

Обратимся к уже цитированному нами барону М. А. Таубе. Отстаивая точку зрения о зарождении международного права в Средние века, М. А. Таубе писал, что Средние века представляют собой «один из крупных поворотных пунктов истории, где начинается в полном смысле слова новая эпоха, новое и важное движение вперед на пути человеческого прогресса: средние века, эти времена младенчества международного права...».¹⁶

Смущает в рассуждениях М. А. Таубе то, что возникновение международного права он представляет как «поворот в жизни народов», т. е. некий одномоментный акт, крутой разворот в цепочке исторических событий. Этим он вступает в противоречие со своим же утверждением, что международное право нельзя представлять как нечто «неизвестно откуда взявшееся».

В этом отношении позиция М. И. Ростовцева представляется более взвешенной. Указывая, что уже в древности международные отношения имели те же формы и находили себе то же юридическое выражение, что и в наше время, он вместе с тем задается вопросом: «Можно ли, однако, говорить для этой эпохи о существовании международного права? Вряд ли. Международное право предполагает существование некоторых всеми признанных принципов юридического ли, морального ли или религиозного характера. Из этих элементов мы имеем только последний».¹⁷

В другом месте М. И. Ростовцев пишет: «Международное право, рождения которого мы могли бы ожидать в среде греческих городов-государств, не родилось, поскольку речь идет о писаных общепринятых определенных нормах. Но несомненно создан на всем протяжении эллинистического мира известный идейный субстрат, который при благоприятном развитии мог бы быть основой и международного права».¹⁸

Естественно, что в современном их виде международного публичного и частного права в древности мы не найдем. Более того, М. И. Ростовцев вполне справедливо показывает, что путь к формированию идейных основ международного права нельзя представлять в виде движения только вперед к заранее осознанной цели. На этом пути были и отступления, и возврат к пройденным этапам, и поиски той самой общей идеи, которая впоследствии была положена в основу международного права.

Понимая, что международного права в его нынешнем виде в древности нам обнаружить не удастся, современные специалисты ведут речь о «прообразе», «предтечах» или «первых ростках» или «зачатках» международного права. Однако в этом смысле более предпочтительной представляется формула М. И. Ростовцева, который пишет об «идейном субстрате», из которого выросло международное право.

По сути дела, М. И. Ростовцев и не собирается давать ответ на вопрос, можно ли считать, что в древности уже существовало международное право. Мысль М. И. Ростовцева гораздо глубже. По сути дела, он показывает нам, что мы не должны быть Иванами, не помнящими родства, т. е. что мы должны сознавать, из чего выросло международное право и как выкристаллизовывалось его нынешнее состояние.

По мысли М. И. Ростовцева, международное право предполагает существование «некоторых всеми признанных принципов юридического ли, морального ли или религиозного характера». С этим можно поспорить. Во-первых, в описываемую эпоху

¹⁶ Таубе М. А. История зарождения современного международного права: Средние века. С. VIII.

¹⁷ Ростовцев М. И. Международные отношения и международное право в Древнем мире. С. 137–138.

¹⁸ Там же. С. 153.

четкого разграничения правил поведения на религиозные, моральные и юридические не существовало. Различные социальные регуляторы еще не обособились друг от друга, и представления о должном поведении оберегались и обеспечивались сложной совокупностью охранительных мер, вырабатываемых обществом методом проб и ошибок. Во-вторых, едва ли на тот момент можно вести речь о существовании правил поведения «признанных всеми». Коль скоро мы полагаем, что эти правила только вырабатывались (точнее — отыскивались наиболее удобные и рациональные из них для различных жизненных ситуаций, а найденные проверялись на «живучесть»), то и вести речь об их всеобщем признании не представляется возможным. В-третьих, формирующиеся разрозненные правила существовали на тот момент изолированно друг от друга, не выстроившись в единую и сбалансированную систему. Следовательно, их не вполне правомерно именовать «принципами», предполагающими известную степень обобщения.

Речь должна идти о другом: в этот период началось формирование идеи о необходимости специального нормирования трансграничных отношений, пришло осознание, что правила на этот счет могут быть установлены и, более того, без них сосуществование народов немислимо. М. И. Ростовцев называет это «идейным субстратом» международного права, другие — «идеей международного права». Видимо, оба этих обозначения имеют право на существование, коль скоро подразумеваются самые первые попытки упорядочения международных связей. Конечно, они мало похожи на нынешнее международное право, но и хилый росток, едва пробившийся из-под земли, мало напоминает будущее могучее дерево с неохватным стволом и развесистой кроной. Надо полагать, что, говоря об идейном субстрате международного права, М. И. Ростовцев предполагал, что именно в этот момент начала пробивать себе дорогу мысль о возможности и неизбежности его создания. Однако человечеству предстоял длительный путь воплощения этой идеи в жизнь.

В самом конце своей статьи М. И. Ростовцев дает ключ к пониманию своей позиции: «Древность знала свои периоды творчества и переживала периоды застоя и упадка. Но некоторые основные понятия и идеи, раз выкованные, не были и не могли быть забыты. Некоторые формы остаются на протяжении тысячелетий неизменными. И, хотя, на первый взгляд, современный мир начал свою эволюцию с весьма примитивного уклада, присматриваясь ближе, мы без труда видим, что многие достижения античности им не были забыты и легли в основание того творчества, которым вправе гордиться современное человечество».¹⁹

Нам же, завершая это предисловие, хотелось бы призвать гордиться нашим соотечественником — замечательным ученым Михаилом Ивановичем Ростовцевым, к научному наследию которого мы получили возможность приобщиться.

Профессор С. В. Бахин

---

¹⁹ Там же. С. 159.